

Убей каждого подозреваемого, начиная с конца. Тот, кто стоит слева, и есть убийца.

1

Через три дня наступила среда, двадцать пятое мая. Я проснулся без десяти двенадцать утра.

— Наверно, уже нельзя называть такое время утренним?

Я встал с кровати, чувствуя себя очень плохо. В последнее время это происходит каждый день. Я больше не мог проснуться в нормальное время. Наверно, можно сказать, что моё тело не хотело это делать. Да, как-то раз я проспал, я не мог настроиться на учёбу, а без настроения учиться не было никакой причины ходить на занятия.

И так начался мой пятый день прогулов с прошлого вторника. Будучи первокурсником, который занимается этим уже в мае, я не удивлюсь, если в итоге меня оставят на второй год. Я это понял, но мне эта идея не была противна. Не было никого, кто стал бы возражать: в конце концов, я платил за учёбу своими деньгами.

После недавнего инцидента Сасаки-сан приходила ко мне вместе с Кадзухито-саном в понедельник и вторник. Она провела несколько допросов, касающихся убийства Микоко-тян, и взамен на мои ответы предоставила немного относительно важной информации.

Она сообщила мне, что время смерти Микоко-тян сузилось до окна между половиной десятого и десятью часами утра. Также они подтвердили, что она умерла от удушья и что её придушили тонким куском ткани. Она была такой же тонкой, как тот кусок ткани, которым придушили Томо-тян. Исходя из этого, полиция решила, что к обоим убийствам причастен один и тот же убийца.

— Убийство Аой-сан отличается от убийства Эмото-сан тем, что её придушили спереди.

— Спереди?

— Да. Эмото-сан задушили сзади. Это видно по форме следов.

— Другими словами, Микоко-тян видела убийцу?

— Это возможно, — безэмоционально ответила она. возможно, её было всё равно, видела убитая лицо убийцы или нет. И этот подход определённо рациональный.

Также она прошлась по алиби вовлечённых в это дело людей. Муими-тян смотрела на достопримечательности вместе со своей младшей сестрой (по имени Мури-тян). Акихару-кун алиби не имел. И, конечно же, я был с Миико-сан. Но у каждого из нас было алиби на момент убийства Томо-тян, поэтому, другими словами, никто из нас не был глвным подозреваемым.

— Лично я согласиться не могу, но вроде как большие шишки сверху считают, что эти убийства могут быть всего лишь серией неудачных ограблений или делом рук сталкера, зашедшего слишком далеко.

— Будь что-либо из этого на самом деле, не было бы стольких инцидентов. Это слишком странно, чтобы назвать это совпадением, да и ничего ведь не украли? Следов борьбы тоже не было.

— Я знаю. Так уж вышло, что у них обеих не было никаких врагов, чтобы можно было обдумать дело о мести. Наверно, будь к этому причастен кто-то вроде «врага мира», то это было бы чем-то одним. Но тогда мы получили бы ещё одного непонятного убийцу вроде того бродяги.

К слову, об этом: дело о киотском бродяге стоит на месте. Число жертв ещё не доросло до двенадцати. Другими словами, с момента встречи с Айкавой-сан Дзэродзаки никого ещё не убил. Возможно, его уже не было в Киото, как мы и предположили с Айкавой-сан. Я даже не был уверен в том, что он всё ещё в Японии. Опять же, стань Айкава-сан моим врагом, мне пришлось бы улететь на Южный полюс. Или даже в открытый космос.

— Но что-то странное точно происходит, — сказала Сааки-сан.

— Странное? Что именно?

— Камера видеонаблюдения. В той квартире были установлены камеры для предотвращения преступлений. Вы сами так сказали в прошлый раз.

— Точно.

— Но на записях с камер не было никого, кто был бы похож на потенциального подозреваемого.

— Что это значит?

— Именно то, как это звучит. Мы проверили все кассеты с того момента, когда Аой-сан вернулась домой — точнее, когда ты притащил её домой, — в половину одиннадцатого, но на записях появлялись только другие постояльцы и ты, когда ты пришёл на следующий день.

Что это должно значить? В своей сущности всё здание было запертой комнатой? Какая шутка. Это было слишком нереалистично. Но такая критика была бы бессмысленна, будь это точно так.

— Но у камеры в коридоре наверняка есть слепая зона, — сказал я.

— Да. Мы пробовали её найти. Вполне возможно попасть в комнату Аой-сан, не попав в поле зрения камеры. Камера типа качается, видишь ли. Но сделать это почти невозможно без подготовки. Да даже с подготовкой шансы сделать это будут относительно низкими. С чего бы человеку делать всё это?

— А что, если это не делали? Что, если убийца вошёл через веранду или типа того?

— Это невозможно. Там слишком рискованно и слишком высоко. И вообще... — Она устало вздохнула, что было непохоже на неё. — Я думаю, что это может перерасти в войну на изнурение.

Возможно, она уже участвовала в ней.

— Война на изнурение...

Сколько бы новой информации она не хотела рассказать, я уже перестал думать о цепочке

инцидентов. Конечно, я не был на том уровне просвещения, чтобы получать даже мимолётные мысли об этом, но я хотя бы с переменным успехом подавлял эту часть себя.

С другой стороны.

С другой стороны, я надеялся на то, что правда об инцидентах никогда не всплывёт. Я не хотел больше иметь дело с этим, ни в какой форме.

Но это было невозможно. Саса Сасаки-сан была неизмеримо великолепным детективом. Это было очевидно после нескольких разговоров с ней. Было ясно, почему она могла бы подружиться с Айкавой-сан. Возможно, до раскрытия правды Айкавой-сан осталось недолго. Наверно, она не раскроет все мелкие детали, но их хватит, чтобы собрать целостную историю.

А потому мне незачем было больше думать. Говоря проще, я уже мог увидеть большую часть фактов. Ещё шаг, и я увижу всю картину, и именно этот шаг я не хотел делать. Ровно как и не хотел осуждать преступников. Я уже проник в комнату Томо-тян и попросил помощи у Кунагисы, а сейчас я уже готов оставить всё как есть у просто уйти.

Но именно таким человеком я и был. Недоделанный во всём. Я никогда не старался. Я никогда не проявлял энтузиазм.

— Ладно... — я потянулся, глубоко вдохнул и переключил каналы в мозгу. — Наверно, мне стоит навестить Томо.

Будучи затворницей, она гарантированно была бы дома, так что я знал, что я не потеряю времени, если сразу пойду к ней. Возможно, она сейчас, во второй половине дня, спит, о мне было всё равно. Это помогло серьёзно поговорить с ней о том, что она сдала меня Айкаве-сан.

К тому же она меня точно подбодрит.

Приняв решение, я переоделся и оставил телефон в кармане. Я какое-то время думал, стоит мне одалживать «фиат» Миико-сан или доехать до туда на велосипеде или мопеде, но в итоге я решил пойти пешком. Да и день вроде был хороший для прогулки. Конечно, на это уйдёт три часа, но это вряд ли получится назвать чем-то плохим.

Я вышел из своей комнаты, закрыл её и вышел из здания.

Снаружи было приятно. В последнее время было влажно, но сейчас сухо и ясно. Я подумал о том, как было бы приятно, будь такая погода всегда, но даже так я не знал, что означает «всегда».

— Что?

Слегка пройдясь, я заметил кого-то знакомого. Я не мог вспомнить, кто это, но это точно был кто-то знакомый. Только кто это? Мы будто встречались уже, но...

Он был одет под стать уличной моде, волосы светло-коричневые, а лицо как у модели. Он тащил с собой невероятно огромную сумку, не сочетающуюся с его одеждой.

Мне всегда было интересно, почему одежда под стать уличной моде плохо смотрелась на японцах. Она не то чтобы не подходила им: она всегда давала им такой вид, будто они хотят выпендриться. Наверно, это национальная черта.

Так кто же это?

Заметив меня, он побежал ко мне.

— Здравова! — спокойно сказал он.

— Привет, — ответил я. Само собой, я не мог вспомнить его. Я знал, что он студент из университета Рокумэйкан, но я помнил, чтобы я знал кого-либо вроде него.

— Ты как? Чувак, я не очень хорошо знаю это место. Ну знаешь, география и прочее дерьмо. Я потерялся.

— Ах-х-х... да, — симпровизировал я. — Да, такое порой происходит.

— Я снова начал ходить в школу, чувак. Пришлось продеать большой путь. Типа, я знаю, ты в шоке от всей этой истории с Аой, но блин, ты в итоге останешься на второй год. А люди будут называть тебя «Двойным драконом» или типа того.

Аой? Он только что упомянул Аой?

Да, точно. Понял.

— Ты Акихару-кун?

— УХ ты. Какого хера, чувак? не говори мне, что до тебя только сейчас дошло.

У Акихару-куна был добродушный смех. Мне почудилось, что он может видеть меня насквозь, и эта мысль мена пробила на холодный пот.

— То есть ты пришёл, чтобы увидеться со мной?

— Да-да. Всего лишь маленькое дело. Ну же, за мной.

Он начал идти. Его объяснение было убедительным, но я пошёл за ним. И вот опять я плыву по течению.

— А куда мы идём?

— В храм Китанотэнман. Оно припарковано там.

— Что припарковано там?

— Это сюрприз, — сказал он с улыбкой, не показавшейся мне к месту. — Чувак, я знал, что ты хмурый, но твоё лицо сейчас тянет на полноценное грозное облако.

— А ты с виду радостный.

— Ну знаешь. Ещё, типа, была история с Эмото, да? И она типа укрепила меня. Возможно, я всё ещё не оправился после этого. Блин, а жизнь любит ведь вышибать тебя из покоя?

Это был ужасно простой способ сказать это, но я почувствовал, как он пытается отшутиться. Но как? Я ненадолго задумался, но ничего не придумал.

— Акихару-кун, а занятия сейчас не начались? Тебе вправду нужно сейчас быть здесь и

дурачиться?

— Да похер. Мне уже плевать на учёбу, — засмеялся он. — Я просто хочу избавиться от этого долга, чтобы снова расслабиться. Упокоить душу мертвеца, понимаешь? К тому же я терпеть не могу Иносэна, поэтому общие занятия мне не нравятся.

Так называли Инокаву-сэнсея.

— Правда? Я думаю, что он хороший.

— Ну, мне кажется, что есть разница между добротой и самодовольством. И дело не о времени. Он всегда пытается насадить свои убеждения другим, не так ли? Что-то типа того, чувак. Мне это не нравится. Типа, он вроде не лицемер, но... не, как-то так.

— Хм.

— К тому же я ничего не потеряю, если пропущу занятия пару раз. У нас всё не очень строго, чувак. Говорят, универ наш известен за то, что в нём разрешают пройти через занятия с завязанными глазами. Номер два во всём Кансае.

А где, чёрт возьми, номер один? Я хотел спросить обэ том, но тут же осёкся. Меньше знаешь — крепче спишь.

За пять минут мы дошли до храма Китанотэнман. Несмотря на свой статус национального достояния, я не мог его оценить в полной мере из-за его приближённости к моему дому, а это был первый раз, когда я ступил в него.

— Сюда-сюда, — сказал Акихару-кун, таща меня на парковку. — Пожалуйста, чувак.

Он гордо указал на белую «веспу». Модель винтажная. Я посмотрел на приборную панель и понял, что это была та самая «веспа», которая принадлеала Микоко-тян и на которой я уехал домой тогда.

— Ах, да. Ещё это. — Он передал мне ключи, пока я стоял в ошеломлении. Он вытащил шлем из сумки и также отдал его мне. Мне показалось, что эта сумка подозрительно огромная, но кто бы мог подумать, что в нём будет шлем?

— Акихару-кун, это...

— Как-как это называется? Раздача имущества? Именно это.

— То есть... я могу оставить себе эту «веспу»?

— Да. Нравится? — спокойно ответил он. Он сел сзади на «веспу». Он по-мальчишески засмеялся. — Аой говорила, что это была единственная вещь, которая зажигала в тебе лампочку.

— Эй, это не так... но можно? Типа, это веь ценная вещь. Не должны ли мы отдать её кому-нибудь или её родственникам?

— У нас есть разрешение. Не волнуйся.

— Но это ведь я. Мы только встретились.

— Говорю же, всё нормально. Такова была воля Аой. Её настоящая воля. Ну да ладно, ка-то как всё и было.

— Что ты имеешь ввиду под её «волей»?

— Об этом: она говорила об этом ранее — на прошлой неделе. Если с ней что-то случится, если её убьют, как Эмото, то я должен буду отдать «веспу» тебе. Она плохая, чувак. Я тоже хотел эту штуку. Я сказал ей о этом, и знаешь, что она сказала? «Ни за что. Лучше помри. Нет, лучше живи.» Какого хера, чувак? Мы ведь дружили о старшей школы.

— Если с ней что-то случится? — Что-то? Если что-то с ней случится? — Что это значит?

— Ну, я не знаю. Аой была Аой, чувак. Она наверняка думала о всяком, особенно после смерти Эмото и прочего. Но я уверен, что она сообо не думала о том, что будет дальше. Наверняка.

Нет... ты не прав.

Здесь смысл глубже.

Ты реально не заметил?

— Ладно, просто возьми это. Считай, что это подарок от неё.

— Да, наверно.

Я поигрался с ключом в ладони, а азтем убрал его в карман.

— Застрахуйся. Я ничего толком не знаю о подаче заявления. О-о-о-х... — всё ещё сидя на «веспе», он вытянул руки вверх. Он хорошо потянулся, а потом слегка сгорбился на сидении. — Всё очень быстро полетело к чёрту.

— Да. — Я был с этим полностью согласен. — А как Муими-тян?

— Ах, она. Ей дерьмово, чувак. Наверно, это не полностью отражает суть, но... честно, мне больно на неё смотреть, — сказал она, отводя свой взгляд от меня. Он мог и не думать о Муими-тян. Как бы там ни было, эти слова показали мне, что за это беспечным, обычным поведением скрывалось истинное сострадание к другим.

Любопытно: так он вот какой. Такой нормальный человек, который даже себе не может признаться в этом. Веря в то, что он не особенный, он скрывал свои истинные убеждения за маской плохого парня. Он был своим среди чужих.

Полной противоположностью своего среди чужих — как я.

— После смерти Аой я к ней как-то зашёл. К Атэмии. Это точно было на выходных или праздниках. Неважно. Её было ещё хуже, чем Аой после смерти Эмото. Эх, но что ещё можно было ожидать? Они были давними друзьями. Точнее, они выросли вместе.

— Ей было настолько плохо?

— Чувак, тебе стоило бы увидеть, как она посмотрела на меня. На меня, чувак. Типа, ну же. С чего бы ей так пялиться на меня? И она не ест. Возможно, и не спит. Если мы её просто так оставим, то она, как мне кажется, умрёт. Я хочу сделать что-нибудь для неё, но... типа, что

может парень вроде меня вообще сказать? Я знал Аой лишь со старшей школы. Мы никогда не были так близки. — А я знал её очень не долго с момента поступления в университет. Даже если это не было чем-то важным, мне было нечего сказать Муими-тян. — Она может в итоге зарезать того, кто это сделал.

— Муими-тян?

— Да. Типа, я не позволю ей дойти жо этого. На то есть друзья, да?

— Но она всё равно совершит преступление, даже если её жертвой окажется убийца.

— Ну, да. Ты прав. Но разве такое не происходит? Типа, разве не наступают моменты, когда ты просто плюёшь на все законы, порядки и здравый смысл?

— Плюёшь...

— Типа, ты уже выглядишь так, будто тебе на всё плевать, причём всегда, — хихикнул он, указывая на меня пальцем. — Хех, но я просто краду фразы Аой. Скажи, ты разозлишься, если я буду говорить об Аой?

— Не особо.

— В таком случае присаживайся, приятель. Мне хочется поговорить о ней, — сказал он. — Полагаю, она была более чем уверена во всём, когда лишь впервые увидела тебя. «Я наверняка западу на этого парня,» — сказала она... Ты уже знал, что она в тебя втюрилась?

— И не говори.

— Буду честным, тогда я этого не понял. Как-то странно так говорить, будучи её другом, но она была очень желанной. И я не просто имею ввиду, что она была горячей. Это никакого отношения не имеет к желанности. Красивая девушка — всего лишь красивая девушка.

— Тебе не нравятся красивые девушки?

— Я их презираю. Они всегда выглядят так, будто они чего-то хотят.

Мне не кажется, что в этом виноваты красивые девушки, но я не хотел его перебивать.

— Но в случае с ней, ну... даже если она и хотела чего-то, то она сказала бы об этом прямо. Она позволяла себе выпускать все свои эмоции. Для неё не было ни перепада, ни зада. Она была больше похожа на двухстороннюю кассету.

Я не совсем понял его аналогию.

— За всю свою жизнь я ни разу не встречал человека, который выпячивал себя, как она, и я говорю также о младших классах. Я думал поначалу, что она идиотка или типа того. Всякий бы подумал, увидев нечто такое, да? И ты думаешь: «Блин, чувак, да что не так с этой чикой?!»

— Я согласен.

— Да, но она душой не была. И не глупышкой. И не рохоже было, что она была эмоционально незрелой или имела низкий IQ. Она вообще была по-своему умной.

— Также согласен.

— Как только я всё это понял, мне стало завидно, не скрою. Типа, я так не могу. Вроде бы просто просто уметь плакать, когда тебе хочется плакать, смеяться, когда хочется смеяться, но парни вроде нас так не могут. Мы действуем стоично или применяем странным логику ко всему. Говоря проще, все мы искажены. Именно поэтому Аой так повезло: она могла разозлиться, если происходило что-то плохое. Она могла радоваться от всей души, если происходило что-то хорошее. Но я не мог даже признать собственную зависть. Она просто переросла в гнев.

— Часом нет никаких занятий о таких вещах?

— Есть. Образовательная та-или-иная теория. Я её также изучаю. А где мы остановились? На том, что у современной молодёжи недостаточный вокабуляр? Думаю, так оно и есть. Нам не хватает слов, чтобы описать себя, поэтому мы даже не знаем, из-за чего мы злимся. Даже когда нам просто грустно, мы говорим, что мы разозлились. Но Аой была другой. Она выражала именно то, что она чувствовала.

— Тебе явно есть что хорошего сказать о ней, — сказал я настолько пассивно, насколько это вообще возможно. — Акихару-кун, ты вообще не думал о том, что стоило бы погулять с ней?

Он резко хихикнул, но выражение его лица было нечитаемым.

— Ну, я тоже парень, в конце-то концов, так что я не скажу, что у меня никогда не было таких чувств. Особенно потому, что я так и остался зрелым старшеклассником со времён нашей первой встречи. И не верил я тогда в отношения между мужчиной и женщиной.

— Ах, да, я слышал о таких парнях.

Но я также не думал, что между представителями одного пола может что-то сложиться.

— Но с ней вообще было не так. Тем не менее, она была хорошей девушкой. Эмото тоже, но она всегда была где-то на расстоянии. Не её вина, что так всё было, но всё же.

— ...

— Ну да ладно. Мне нравилась Аой, без романтики. Не то чтобы я собирался свернуть с пути в попытках обрадовать её, но я не хотел увидеть её расстроенной. Я не позволил бы этому произойти. Так что я должен был помочь, когда она в кого-то втюрилась, да?

— Ага.

— И ты «тот самый», чувак.

— Да, я знаю. Она сама сказала.

— Ох, — кивнул он. — Слушай, я не знаю, должен ли я это говорить...

— И не должен, если не хочешь.

— Нет, я должен. Поначалу я был против этого. И не только я: Атэмия и Эмото тоже были против. Особенно Эмото. Она была невероятно расстроена этим, говоря что-то вроде «кто угодно, но не он». Она даже угрожала отречься от Микоко-тян, если она продолжит.

— Значит, я вам не нравился.

— Ты не удивлён?

— Я привык к этому. Поэтому для меня странно, когда я кому-то нравлюсь.

— Хм. Но мы не совсем ненавидели тебя. Мы едва ли с тобой говорили. Но дело в том, что я до сих пор так чувствую, хоть и знаю, что ты хороший парень. И в тебе есть как бы что-то стрёмное.

— ...

— Будто ты можешь с лёгкостью убить человека.

— Эй-эй, не надо тут с ума сходить, — сказал я.

— Не пойми меня неправильно, чувак. Я не говорю, что ты кого-то убил, но кажется, что ты мог бы убить кого-нибудь, но просто подавляешь это желание всё время и не подаёшь виду. Того, что ты скопил в себе, хватит, чтобы придушить десятерых. Ты словно просто притворяешься человеком.

— Боже, — ответил я максимально прохладно, но внутри я свистел. Будь я в зале перед сценой, я бы заплодировал и похвалил его. Было необычно ощутить, как меня детально изучили меньше чем за месяц. Неудивительно, что он дружил с Томо-тян.

— Но Аой была упёрта со всем этим. Она не собиралась сдаваться, поэтому мы вошли в дело. Но мы попросили её разрешить нам провести тест. Ну знаешь, чтобы проверить, подходит ли ей Ик-кун.

— Именно для этого нужна была вечеринка на день рождения?

— Угадал. Тогда у Эмото действительно был день рождения, но всё же. — Он простонал и подался вперёд. — Но история обрывается на моменте, когда кто-то мирает. Это касается и Эмото, и Аой.

— Акихару-кун, — сказал я, осознанно лишив свой голос интонации. — Как думаешь, кто убил Микоко-тян?

— Мне-то откуда знать? Даже знать не хочу. Если я узнаю, то я начну ненавидеть и осуждать того, кто это сделал. Но мне не нравится ненавидеть людей, держать на них обиду и прочее. Это ведь полный отстой?

— Ага. — Я переварил его слова и медленно кивнул. — Да, ты прав.

Любопытно. Значит, Акихару-кун соблюдал свои принципы. А я? Какие я правила накладывал на себя?

Я почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся. Сзади были лишь туристы и студенты, выехавшие на экскурсию.

— Что? Что не так? — спросил Акихару-кун.

— Эм, ничего. Мне показалось, что на меня кто-то смотрел.

— Наверно, всего лишь воображение.

— Да, наверно. Но в последнее время я хотя бы раз ощущаю это всякий раз, когда выхожу из квартиры.

— Может, это призрак Аой?

— Да, может быть. Да. Может быть.

Он наверняка просто шутил, но я видел правду в его словах.

Он слез с «веспы».

— Ну, хватит разговорчиков на сегодня. Да и она в твоих руках.

— Да, я позабочусь о ней.

— Позаботься. Это её мemento.

— Да. Я назову её Микоко.

— А-ах, — простонал Акихару-кун. — Лучше не стоит. Тебе не стоит присваивать имена транспорту. Это бессмысленно сентиментально.

— Это всё равно будет сентиментально, раз уж это мemento.

— А-а, понял, — кивнул он. — Но не называй её Микоко. — Он снова потянулся. — А-а-ах. Ну, «веспу» я передал. Своё мнение об Аой я высказал. Можно и умирать теперь счастливым.

— Что? — Кое-что в его словах меня зацепило. Некое подозрение соскочило с моего языка, но я всё равно задал вопрос: — А это ещё что значит? Ты будто отправляешься в загробную жизнь.

— Ха-ха-ха. Нет, просто... — Его рот искривился в пораженческой или, скорее, смиренной улыбке. — Я просто считаю, что меня убьют следующим.

— К чему ты ведёшь?

— К тому, что я и имею ввиду. Или, может быть, это вообще ничего не значит. Ладно, ещё увидимся, — ответил он, уклонившись от прямого ответа. Он помахал мне, повернулся к храму Китанотэнман и начал идти. Я хотел остановить его, но воспротивился этому, прежде чем что-либо сказал.

Я вздохнул.

Завещанная «веспа».

Мне хотелось узнать, нормально ли ей пользоваться, но почему-то я знал, что больше некому будет на ей ездить, если я откажусь. С ней точно станет удобнее. И не придётся одалживать «фиат» Миико-сан так часто. Наверно, на это Микоко-тян и надеялась.

Что-то во всём этом меня поражало. Совсем немного.

— Похоже, придётся купить себе место для парковки.

Я не знал, как это делается. решив спросить об этом Миико-сан, я вернулся домой.

Ух ты. Это Микоко-тян там? Да, это я. Давно не виделись, Ик-кун.

Э-э-эм, ой. Я понял. Это сон. А-ха-ха. Быстро схватываешь, Ик-кун. Наверно, этого и следовало ожидать от реалиста. Или ты романтик? А может, ты классицист? Пятьдесят на пятьдесят, наверно. Или ты на треть пессимист.

Не думаю, что это сходится. Ага.

Эй, ты ведь на самом деле не Микоко-тян? Ой. Ты меня подловил. Ну, и кто я такая?

Самому интересно. Кто? Сам реши. Это ведь твой сон.

Ладно, тогда ты Томо-тян. Почему ты так подумал? Ты моешь ошибаться. Я могу быть Кунагисой-сан, Айкавой-сан, Муими-тян, Акихару-куном, Миико-сан, Судзунаси-сан или кем-либо ещё.

Я могу разговаривать с кем угодно и когда угодно. Я не хочу разговаривать с тобой. Ты единственная, с кем я хочу поговорить, но не могу. Лжец. Ты знаешь, что есть и другие.

Нет-нет-нет. Я больше не хочу с ними разговаривать. Ладно, хорошо. Раз уж так хочешь. Тогда давай поговорим. Давай обсудим всё, что мы до сих пор не поняли.

Правда? Ладно. В таком случае у меня есть вопрос, который я хотел задать тебе. Какой? Ты ненавидишь убийцу? Того, кто убил меня? Ответ такой же, какой ты сам додумал: вообще нет. Мы об этом тогда говорили, не так ли? Я сказала, что я хочу переродиться. Я ненавидела именно себя. Я не считаю, что моя смерть была неудачной. Нисколько.

Похоже, что ты именно это и имеешь в виду. Ну, да. Всё, что ты вкладываешь в слова, звучит именно так. Скажи, Ик-кун, ты вообще читаешь детективы?

Я особо не читаю. Я привык к этому, но теперь я этим занимаюсь, когда мне нужно убить время. Но я в целом знаю, о чём детективы. Понятно. Я большая их поклонница. Я прочту что угодно, но детективы мне нравятся больше всех других книг. Их легко понять. Но мне не нравится, как в них акцентируются на мотивах преступника. Точнее, я знаю, что для убийства человека нужно иметь весомую причину. В конце концов, ставки высоки.

Да. Один мой ровесник как-то раз сказал что-то похожее. Ставки высокие, а выигрыш низкий. Конечно, тот парень оказался ошибкой природы, способный самоутвердиться лишь с помощью убийств. Но знаешь, мотив — всего лишь оправдание. Это всего лишь воззвание к человеческим симпатиям. Если думать об этом, то всё это приходит к морали индивида. Знаешь притказку? «Джентльмен убивает не за себя, а за справедливости благо других.» Но стоп, что же значит «ради блага других»? Что такое «справедливость»? Я не знаю ответа.

Я тоже не знаю. Больше похоже на способ оправдаться. Я не знаю, о чём думал твой убийца. Или я просто не хочу знать. Почему нет?

Потому что я не вижу в этом смысла. Точнее, всё не очень ясно и в убийстве Микоко-тян, но в твоём случае всё будто вообще не было просчитано. Будто твоя смерть была сделана на импровизации. Да, такое может быть. Но важно ли это? Я не злюсь из-за этого, и я не расстроена тем фактом, что я мертва. Правда, я не вру. Я нисколько не обиделась.

А теперь ты собираешься переродиться как Микоко-тян?Ага.

Но она ведь тоже мертва.Она тоже умерла?

Что ты чувствуешь по этому поводу? Несмотря на собственную смерть, что ты ощущаешь касательно человека, который убил Микоко-тян? Тоже никаких обид?Полагаю, у меня нет мнения по этому вопросу.

А это разве не холодно? Вы ведь были друзьями?Это немного забавно слышать от тебя.

У тебя тоже есть друг.Кунагиса-сан? Или Миико-сан? Я знаю, что это не Муими-тян и не Укихару-кун, да? Но я думаю, что такой же, как и я, Ик-кун: даже после смерти друга я не чувствую грусти. Я знаю, каково грустить, но я просто не могу ступить на эту территорию. У меня, похоже, меньше эмоций, чем у обычного человека.

Не могу сказать, что я тебя не понимаю.Может, всё дело в недоверии к людям? Будто я пережила какое-то смертельное ранение, уничтожившее моё доверие к другим. Ранее гонимый до конца своих дней не поверит другому человеку.

По-моему, тебя уносит куда-то далеко.Ты так не думаешь.

Да, я так думаю.Нет, не думаешь.

Нет, не думаю.Люди, понимающие, скольким людям нравится унижать, никому не могут доверять. Японцы в частности такие. Например, чьего-то друга обвиняет какая-то группа. Это ситуация борьбы одного человека с множеством. Очевидно, правильно будет заступиться за друга. Но среднестатистический человек этого не сделает. Он последует за группой. Люди жаждут членства в группе. Им вообще плевать, какой будет эта группа. Им важно только то, что группа есть и что её члены будут с ним. А какой группа будет, это уже неважно. И как только ты осознаешь этой жестокий факт, станет невозможно доверять людям. Ещё пример: у тебя есть семья, Ик-кун?

Без неё я бы не появился.Я не об этом говорю.

Да, они живы и здоровы. Думаю, они где-то в Кобэ. Но мы не виделись уже годами. Да и Микоко-тян как-то раз сказала мне, что я не похож на человека, проявляющего преданность своим родителям. И это правда. Я не видел их с младшей школы. Наверно, ты могла бы назвать меня плохим сыном.Похуже, что у тебя дома какие-то проблемы.

Нет, не особо. Вообще нет. У нас вообще никаких проблем не было. Если бы я знал о каких-либо бедах, я, скорее всего, не стал бы тем, кем я являюсь сейчас. А ты? У тебя есть семья?Не-а. Никого, в ком я бы видела родство. Поэтому я и решила пойти учиться в университет вдалеке от дома. У Микоко-тян и других были схожие ситуации.

То есть вы все не могли доверять своим семьям?Да, всё так. Я даже себе доверять не могу. Я не помню, кто сказала: «В этом мире нет ничего точного,» — но ощущается всё именно так. Будто весь мир хрупок и грозит развалиться и расколоться от малейшего шороха. Но на деле таким был не мир, а я.

Звучит так, будто ты побитая.Ты сам сказал. Точнее, подумай. Ты назвал бы человека, не плакавшего со дня своего рождения, полноценным? Я могу улыбнуться, но достаточно ли этого, чтобы пытаться сказать, что я нормальная?

Я такой же. Я привык пытаться списать это на индивидуальность. А сейчас?

Не сейчас. Индивидуальность может идти пожевать говна. Быть другим — не всегда хорошо. Всякий, кто вообще думал об эффекте радикального отличия от других, ни за что не стал бы нести такую чушь. Люди говорят об «избранных», одарённых индивидах, оставивших свой след в истории. Наверняка большая часть из них была ненормальными. Но при этом они были всего лишь обычными людьми. Они не были изгоями. Всего лишь обычные люди, только сломанные. Но Томо-тян... Исходя из твоих слов, звучит всё так, будто ты не доверяешь Муими-тян, Акихару-куну и Микоко-тян и не веришь в них. Да. Не стану отрицать. Я даже подтвердить это могу. Знаешь, мне кажется, что именно ты должен понять, насколько ущербной я себя из-за этого чувствую. Ты знаешь, какая Микоко-тян хорошенькая. Акихару-кун тоже хороший, а Муими-тян — крайне редкий в наши дни человек, для которого преданность друзьям превыше всего. Сама идея того, что я не могу так доверять людям, независимо от моих стараний, что я не могу считать их своими друзьями, угнетает меня. Они столько любви мне дали, а я ничего в ответ дать не могу.

Я знаю это чувство. Это вина. Да, она. Как хорошо, что существо с недостатками вроде меня умерло.

А что насчёт Микоко-тян? Это проблема Микоко-тян. Я уже мертва. Мне нечего сказать. И, Ик-кун, ты ведь здесь не для того, чтобы об этом спрашивать?

Я не знаю. Было столько вещей, о которых я хотел поговорить. Нет, их было всего пару штук. То есть всего лишь одна тема. Смелей.

Нормально ли для меня быть живым? О-о-ох, а вот это уже хороший вопрос.

Будучи членом колонии, известной как человечество, которая ничего не делает ради коллективного благополучия, имею ли я право на жизнь? Я думаю, что я могла с лёгкостью этот же вопрос задать себе. Ну, если бы я не умерла. Ну... касательно этого вопроса я могу сказать лишь одно слово.

Что? Какое? Это — Биббипбипбипбипбипбип

Я проснулся от неприятного электронного звука, простонал и встал.

И не с футона, я прямо с пола, на котором я, судя по всему, спал. Я увидел ужасный сон. Он развивался так произвольно и снисходительно ко мне, что мне стало тошно от себя. Будто я менее чем за час узнал весь мыслительный процесс Томо-тян.

И я не мог не избавиться от ощущения того, что этот сон был реален.

— Но чем я вообще занимаюсь, ведя дискуссии с мертвецами?

А может, я всё ещё сожалею, хоть самую малость? Биббипбипбипбипбипбип. Другими словами, даже сейчас — биббипбипбипбипбипбипбип — даже сейчас, я — биббипбипбипбипбипбип —

Нет, об этом сейчас лучше пока не думать.

Это был не мой будильник. Это был рингтон моего мобильного. Презирая музыкальные рингтоны, я оставил на телефоне обычный рингтон, но даже он не был приятным. Я поднял трубку и принял звонок.

— Да, алло?

— ...

Хм. Ответа нет. Но я слышу дыхание на другом конце провода. Наверно, сигнал был слабым.

— Алло? Меня слышно?

— ...

— Алло? Мой голос слышно? Не очень?

Тишина. Это было странно. Наверно, сам телефон был сломан. В конце концов, я на днях закинул его в стирку вместе с штанами. Но современная электроника не была такой хрупкой. Следовательно, этот звонок мог быть розыгрышем.

— Если ты ничего не скажешь, то я повешу трубку, ясно? Всё ясно?

Как же не вовремя мой разум начал вспоминать тот раз, когда Микоко-тян позвонила и стала считать, что она набрала не тот номер.

— Ладно, я сбрасываю. Начинаю обратный отсчёт. Пять, четыре, три. два—

— ...

Стоп. Я что-то услышал. Но тот звук был слишком тихим.

— Извини, я не расслышал. Можешь повторить?

— Парк Камогава.

— Что, прости? Камогава.

— Я жду в парке Камогава...

Голос постоянно пропадал. Мои барабанные перепонки едва улавливали его. Я не мог определить, кто звонил мне: мужчина или женщина, взрослый или ребёнок. Интонация была неразличимой, так что я не мог даже определить эмоции звонящего.

— Прошу прощения? Прошу повторить. И кто звонит?

— Микоко.

Голос сказал только это, и звонок закончился.

Я бросил телефон на пол, встал и втянул руки к потолку. Потолок был таким низким, что я мог бы его коснуться при желании.

Стоп, а кто жил надо мной?

Да, точно, пятнадцатилетний брат и тринадцатилетняя сестра. Они были так близки друг к другу, что даже я не мог не улыбнуться. Конечно, они едва сводили концы с концами, поэтому, наверно, так реагировать не стоило.

Жилищный комплекс имел три этажа, по две комнаты на каждый. Всего шесть комнат, две из

которых сейчас свободны. Брат и сестра сверху жили рядом со старым отшельником. Он исповедовал христианство, что означало, что он наверняка столкнулся бы с японскостью Миико-сан, но их нельзя было назвать врагами. Обе комнаты на первом этаже были свободны, но арендодатель говорил, что в следующем месяце кто-то заедет сюда. Даже такое место привлекало арендаторов.

Я наклонился к полу и поднял брошенный телефон. Проверил историю звонков, я заметил, что звонок поступил от неизвестного номера.

Теперь нужно подумать.

— Парк Камогава. Сказали именно это.

Значит, меня там ждали? Ладно, ладно. Пока что это меня устраивало. Кроме имени, которое называли после того, как я спросил имя. Как мне ответили?

— «Микоко»... да, я точно услышал «Микоко».

На всей планете вряд ли найдётся ещё один человек с таким необычным именем. Но в то же время это не могла быть Микоко. Она мертва. Если бы мертвецы могли пользоваться телефонами, то вся телефонная инфраструктура уже давно разорвалась к чертям.

Имея так мало информации, я решил, что думать сейчас не стоит. Что-то во всём этом вызвало во мне опустошение.

Я удалил звонок из истории в телефоне и посмотрел на часы.

Половина двенадцатого ночи.

Среда, двадцать шесть мая.

...

Хм. Опять же, как я провёл день?

Я вроде как проснулся днём. Затем я пошёл навестить Кунагису, наткнулся на Акихару-куна по пути, получил в наследство «веспу» Микоко-тян, вернулся к себе, чтобы спросить у Миико-сан о парковке, впал в фрустрацию от мороки, связанной с этим, и раздражённым лёг в кровать.

— Раздражённым? Что со мной не так?

Я что, ребёнком, что ли?

Неважно. Это было в два часа дня. Я вообще не могу вспомнить, что происходило между тем часом и текущим, то есть я проспал примерно десять часов. Этого было достаточно, чтобы вызвать отвращение у Спящей красавицы. Я не спал меньше трёх часов двадцать пятого мая.

— Я сплю очень много в последнее время...

А потом мне позвонили. Станный, скомканный телефонный звонок без контекста, лишь слова. Я не знал его значения. Точнее, я знал лишь его значение.

— Ну ладно.

У меня было два выбора. Раз: я могу подчиниться и пойти в парк Камогава. Два: я могу проигнорировать эту просьбу. Очевидно, что здравый смысл подскажет мне, что второй выбор правильный. Но я ничего не знал о здравом смысле. К тому же я не мог просто сидеть на месте, когда звонивший назвал именно то имя. Принимать решение пришлось недолго.

Я умылся и переоделся.

— Это первая настоящая бессмыслица за последнее время, с которой я столкнулся, — сказал я самому себе.

Я оставил записку и вышел. Я сел на свою «веспу», которую я незаконно припарковал в переулке неподалёку на время, пока я не получу нормальное место для парковки. Я мог бы просто прогуляться, но парк Камогава был далеко. Звонивший не назвал никакого точного времени, но я решил, что будет лучше прийти как можно раньше.

Я повернул на восток на улицу Имадэгава и поехал вперёд.

И мне всё ещё было интересно: что это был за сон?

Я не верил ни в призраков, ни в духов, ни в какую-либо форму жизни после смерти, да и не был уверен в том, что она существует. Люди порой испытывают нечто необъяснимое, и не был твердолобым, чтобы заявлять, что я не верю в то, о чём я ничего не знаю. И это не что-то из классической литературы, так что вряд ли кто-то пришёл ко мне во сне. Это был плод моего сознания и меня самого.

— Это была длительная привязанность? Желание?

Тем не менее, это всего лишь иллюзия. Ничто, ради чего стоило бы думать. Важно было то, что именно Томо-тян появилась во сне, а не Микоко-тян. И это точно можно было бы назвать преступлением.

«Столкнись со своими преступлениями. Это твоё наказание.» — сказала мне Судзунаси-сан когда-то в феврале. Она не была псиоником, но она могла видеть меня насквозь. Она была женщиной, требовавшей уважения, но никогда не принижавшей никого. Наверно, это редкость.

Я проехал улицы Хорикава, Торимару и Каварамати и доехал до Камогавы. Даже посреди ночи я не мог просто так заехать в парк на скутере, поэтому я припарковал его у моста и пошёл к набережной, также известной как парк Камогава.

— Итак, что теперь?

Название «Парк Камогава» было присвоено невероятно огромному куску земли. И он был не просторным, а длинным. И другая сторона реки также считалась его частью. Ни один идиот в Киото не стал бы назначать там встречу, не называя конкретной улицы.

— Да плевать.

Наверно, мне и не стоило настолько всерьёз воспринимать случайный телефонный звонок. Я начал идти вдоль реки по течению.

Смотря на часы, я увидел, что уже было больше полуночи. Уже наступил четверг, двадцать шестое мая. До меня дошло, что до конца мая осталось всего ничего. Именно здесь я вспоминаю, что именно у этой реки меня чуть не убил Дзэродзаки, прямо под большим мостом Сидзё. Тогда ещё и Томо-тян, и Микоко-тян были живы.

Это будто произошло много лет назад. И я не считал, что это был всего лишь плод моего воображения.

Я обернулся. Тяжело было сказать, потому что было темно, но вроде как никого рядом нет. Хотя я всё равно что-то ощущал.

Взгляд.

— Хм...

Я почувствовал его и днём, когда я был с Акихару-куном. Он предложил, что это может быть призрак Микоко-тян, но так ли это было? Скорее всего, полиция могла подослать ко мне кого-то для слежки. В конце концов, я ыл причтен к смертям Томо-тян и Микоко-тян.

— Да ладно, в такой-то час?

Да и не было никакой причины красться за мной. Дальше. Существо неизвестного происхождения вызвало меня по телефону, а когда я пришёл в указанное место, я почувствовал чей-то взгляд. Здесь могло быть лишь одно возможное объяснение.

...

Я заострил своё внимание и продолжил идти. Странный взгляд вроде испарился. Но около улицы Марутамати я снова почувствовал себя дураком. Что я, чёрт возьми, здесь делаю?

— Наверно, я могу просто уйти.

Я залез обратно на дорогу с набережной. Я по мосту перешёл на другую сторону реки и пошёл к парку. Я подумал, что будет неплохо по дороге обратно сменить пейзаж. Смотря на реку, я увидел несколько проплывающих уток. Именно поэтому парк называли Камогава — «Рекой уток»? Как-то странно, что кто-то по настолько простой причине дал имя реке.

Я подумал, что стоит поспешить вернуться домой и лечь в кровать, но потом я вспомнил, что я совсем недавно спал. И раз уж я прошёл весь этот путь, то было бы неплохо покататься на «веспе» по Киото. Если я буду ехать параллельно реке, то я смогу доехать до Майдзуру. Заодно и привыкну к своему новому транспорту, и время убью.

Даже просто обдумывая всё, я продолжал идти прямо. Подходя к улице Имадэгава, я заметил тёмную фигуру, прижавшуюся к земле передо мной. Рядом был упавший велосипед. Тяжело было её разглядеть из-за темноты, но фигура выглядела как упавший человек. Фигура лежала неподвижно спиной вверх. Мне стало интересно, не спит ли это бездомный, но вряд ли тут рядом лежал бы велосипед, будь это так. Наверно, кто-то пошёл выпивать в Киямати и свалился с велосипеда, пока ехал через парк. Симпатии к челвоеку у меня было немного, но я не мог оставить его в таком состоянии. Длинные чёрные волосы у фигуры заставили меня поверить в то, что это была женщина.

— Вы в порядке? — окликнул я её, но не получил ответа. Будто человек умер.

Вообще это было вполне возможно. Простое падение с велосипеда могло убить человека, если тот неудачно приземлится. Особенно если человек напился. Я подумал о том, чтобы просто уйти, но это было неправильно, поэтому я подбежал к фигуре и похлопал её по плечу.

— Вы в порядке? — окликнул я её ещё раз. Фигура не пошевелилась. — Вы в порядке? — окликнул я её в третий раз, затем я решил хотя бы развернуть её на спину. Стоило мне схватиться за плечи, как фигура, до этого неподвижная, ловко перевернулась и распылила какой-то туман около моих глаз.

Я попытался отпрыгнуть, но было поздно. Левой щеке стало больно. Как только я понял, что меня ударили, я упал на берег спиной, не сумев даже перекатиться.

Нападавший встал.

Дело дрянь. Мои глаза не могут сфокусироваться то ли из-за удара, то ли из-за того тумана. Что это вообще было? Это точно был не слезоточивый газ: моим глазам не особо больно. Я заставил своё ковыляющее тело сесть на колени и попытался оттолкнуться левой рукой, но нападающий быстро приближался. Я не стал этого делать и начал перекатываться, раскрутив своё тело сильнее нужного. Когда я отдалился от нападающего на девять метров, я смог встать на одно колено.

Тёмная фигура встала передо мной. Я мог увидеть большой рост этого человека, но не мог разглядеть всё его тело. Моё зрение всё ещё не могло сфокусироваться. Но не только моё зрение было нестабильным. Мои ноги, колени и голова тоже шатались. Мне показалось, что я в любой момент могу отрубиться. Но ощущение не было неприятным. Я будто куда-то проваливаюсь. Да. Говоря проще, я ощутил... сонливость.

Колено, на котором я сидел, покосилось.

Анестетик в форме спрея? И это средство было не просто мерой против извращенцев. Оно очень сильное. Отрубились не только мои глаза, но и всё остальное моё тело. Возможно, такое распространено в Америке, но я ни разу не положил свой глаз (буквально) на такое в Японии.

Нападавший подходил ко мне, шаг за шагом. Даже с размытым зрением я сомг различить нож в его правой руке. Нож. Дзэродзаки Хитосики. Киотский бродяга. Мне стало плохо.

— Почему?

— Кто? Почему? Конечно, ничто из этого неважно в рамках текущей проблемы.

Даже со своим затуманенным сознанием я отлично понимал, как плохо будет, если я сейчас усну. Я либо умру, либо чуть не умру.

Чёрт. Сейчас не время колебаться, но я просто не мог собраться и сделать что-либо, что могло бы навести ему вред. Я не мог не сомневаться. Само собой, нападающий спокойно подошёл ко мне. Я всё равно скоро усну. Но я знал, что этот момент — мой единственный шанс.

Правая рука или левая?

Я задумался лишь на миг и выбрал правую.

— Господи. Я что, Стальная Земля? — Я обхватил большой палец правой ладони левой. Ещё секунду я колебался, а затем я дернул его назад со всей силы.

Мой крик был настолько пронзительным, что даже моим ушам стало больно, и но прошёлся по всему парку Камогава.

Сейчас этот палец либо сломан, либо смещён. Тем не менее, спать мне больше не хотелось. Я мог справиться с силами. Моё зрение и тело пришли в норму. Боль шла по всему моему телу, пока я вставал, чтобы увидеть своего врага.

Нападающий был одет во всё чёрное, включая чёрную маску для катания на лыжах и чёрные кожаные перчатки. Волос не видно. Те длинные чёрные, что я увидел, были всего лишь париком. Мне всё ещё было трудно различить фигуру нападающего на тёмном фоне. Видимо, поэтому мне и показалось, что это была тень. До меня дошло, что нападающий явно готовился к засаде. Этот человек похож на убийцу больше, чем Дзэроздаки, и гораздо больше — на киотского бродягу.

— Чёрт... кто ты?

Само собой, ответа не последовало. Я мог услышать лишь жуткое его дыхание. Он направил нож на меня и начал медленно приближаться. У меня не было ничего, что могло бы послужить оружием, а телефон я оставил дома. Я даже не мог позвать на помощь.

— Ну, придётся делать то, что придётся...

Я встал в стойку и начал сокращать дистанцию между нами. Явно удивлённый этим, человек в чёрном на секунду позже подошёл с ножом. Я попытался ударить его по челюсти ладонью и промахнулся. Враг отскочил назад и снова замахнулся на меня ножом.

Теперь выпад сделает он. Он сделал выпад. Но его было движение новичка. В сравнении с Дзэроздаки он никто. Уклониться будет легко. Но, двигая своим телом назад, мой большой палец упёрся мне в бок. Мне резко стало больно.

— _____!

Я пожалел о том, что сломал его. Возможно, я мог бы просто вырвать ноготь или типа того. Или, если мне действительно хотелось бы что-то сломать, я мог бы сделать это с мизинцем. С чего выбирать большой палец? Я что, идиот? Существовали ещё пределы.

Само собой, человек в чёрном не стал терять время и сильно толкнул меня. Уже сбитый, я упал на спину. Не теряя ни секунды, мой враг сел на меня. Лишь миг ушёл у меня на то, чтобы с неприличным спокойствием вспомнить, что то же самое произошло со мной месяц назад. И как я разобрался с этим тогда?

Нож опустился, не дав мне времени на подумать. Он был нацелен на моё лицо — нет, на сонную артерию. Я воспользовался всеми своими силами, чтобы отодвинуть голову вправо, и я смог по большей части уклониться. Нож смог разрезать лишь один слой кожи. Текла кровь. Человек в чёрном вытащил нож из земли, в который он воткнулся, и приготовился вновь замахнуться. Когда я подумал, что в этот раз я не уклонюсь, рука нападающего застыла. Смотря на меня с любопытством, он убрал нож.

Не дав времени на подумать, он врезал по моему лицу кулаком. По левой щеке, как в прошлый раз. Затем он ударил по правой щеке, потом по левой и снова по правой. Он продолжал бить

меня по лицу, не останавливаясь ни на миг.

Я давно как перестал думать о боли. Я ощущал лишь тряску своего мозга.

— ...,

Внезапно избиение прекратилось.

Но до меня быстро дошло, что это был жест доброй воли. Человек в чёрном обеими руками схватился за моё левое плечо. Легко было догадаться, что он задумал. Я пытался сопротивляться, но моё тело не двигалось так, как я хотел. Тот парализующий спрей уже пробрался глубоко в меня. Ощущая боль, я был уверен, что я отрублюсь в любой момент.

Помимо.

Помимо этого, в этот же самый момент невыносимая боль прошла по моему левому плечу вместе с ужасным треском и вернула меня в сознание. Человек в чёрном без каких-либо задержек сместил мой плечевой сустав. Вдобавок к этому он начал бить по нему.

Боль была адской, разрывающей. Я рычал что есть мочи. Я не догадывался, что мои голосовые связки способны выдавать такие рыки.

Да кто же это, чёрт возьми? Ради чего он всё это делал? Он не хотел убить меня. Он не пытался это сделать: он просто уничтожал меня. Для него я был всего лишь объектом для разрушения. Нечто, что нужно разобрать, как пазл.

Затем он перешёл на моё правое плечо.

— Гр-р-р... — Как только моё сознание пришло в себя, я слегка приподнялся, стряхнул с себя руки нападающего и врезал кулаком прямо в область его сердца. Удар по-странному не удовлетворял, будто я ударил журнал. Похоже, тот этой чёрной майкой была защита. Приложив к удару свой сломанный большой палец, я больше не мог использовать правую руку. Человек в чёрном отбросил кулак, будто он был ничем, и снова крепко схватился за моё правое плечо.

Мне не хватило сил, чтобы снова скинуть его руки. Я услышал глухой звук треска, будто он доносился издалека. Но боль прямо здесь была со мной. Мучительная боль прошла к моему мозгу через плечи и разорвала даже онемение.

Затем, как и раньше, нападающий начал бить по новому смещённому суставу. А затем перешёл на моё сердце, будто мстя мне. Звук трескующейся кости. Удар дошёл до моих разъединённых плеч, и боль тут же последовала за ним.

— Гх-х-х... а-а-ах...

Я пытался вдохнуть. Этот удар пришёлся по лёгким. Я не знал, хотел того нападающий или нет, но он ухватился за мою слабость. Он схватился за мою челюсть. Стоп, постой. Ты серьёзно? Это самая болезненная вещь, которую ты можешь сделать с человеком. Но думать времени не было. Я решил, что мог бы навалиться на его палец, но я снова начал сомневаться.

Человек в чёрном сильно дёрнул за мою челюсть. Донёсся куда более тихий треск, но боль была несоразмерно сильной. Затем, как обычно, он ловким апперкотом врезал по моей

челюсти.

Я не издал ни звука. Я больше не волновался за дыхание.

Позвольте мне поправить себя.

Это был акт убийства. Его разрушительная природа была не важна. Теперь было ясно, что этот человек собирался замучить меня до смерти. Он заставит меня страдать до самой смерти.

Давай, сломай меня. Постепенно.

Человек в чёрном слегка задумался, скорее думая, как вызвать ещё больше агонии.

Затем он схватился за кисть моей правой руки и поднял её, держась ещё за большой палец.

За мой уже сломанный большой палец.

— _____!

Хе-хе-хе.

Я услышал смешок нападающего.

Я был шокирован. Меня ничто в этом мире не пугало сильнее человека, способного избить и запытать кого-то и просто посмеяться.

Человек в чёрном что-то пробурчал, затем отпустил мой большой палец ради указательного пальца. Я решил, что он намерен сломать его. И не только его. Затем он перешёл на средний, безымянный пальцы и палец, а после — на левую руку. Затем на ступни. Наверно, он собирался сломать каждую кость в моём теле, а после разорвать мою плоть. И как только меня искалечат, он, может быть, будет достаточно любезен, чтобы убить меня.

Я уже утратил волю к нападению в ответ. Вообще я даже не знал, почему я решил отбиваться. Я должен был просто позволить спрею усыпить меня. По крайней мере, мне не пришлось бы пережить всю эту пытку. Зачем я сломал собственный палец? Но, скорее всего, я всё равно проснулся бы из-за боли. Мне всё равно пришлось бы пережить эту пытку. Если бы так всё и произошло, то исход остался бы тем же. Я просто пошёл по другому маршруту.

Как в тот раз: фарс, исполненный с предопределённой гармонией.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд.

Я смотрел на то, как меня вот-вот убьют на другой стороне реки.

О чём я думал, смотря на себя?

Да ладно.

Это совсем глупо.

Бессмысленно и обыденно.

Какая же это бессмыслица.

— Что ты там делае-е-е-ешь?!

Громогласный крик.

Мои незанятые глаза посмотрели туда, откуда донёлся голос. Но там никого не было. Маленькая тёмная фигура бежала против течения реки.

Я даже не стал думать, кто же это. Я знал этого человека так же хорошо, как и самого себя.

— Э-э-э-э-эй!

Дээродзаки.

Дээродзаки Хитосики.

Это Дээродзаки Хитосики крикнул, выпрыгивая на берег и начав бежать. Человек в чёрном вроде тут же испугался нового человека, но он, обдумав ситуацию, отпустил мой палец и отошёл от моего тела. Мой нападающий наверняка знал, что Дээродзаки нельзя победить на раз-два.

Стоя недалеко от нас, Дээродзаки швырнул нож. Он был скорее предупреждением для нападающего. Дойдя до нашей стороны берега, он встал между нападающим и мной. Человек в чёрном пошёл за брошенным ножом и замахнулся им на Дээродзаки.

— А-а-а-ах... — глубоко вздохнул он, будто пытаюсь выровнять своё дыхание. — Почему ты позволяешь людям травить себя вот так? Защищайся, чувак! — с издёвкой сказал он.

Я хотел сказать что-то в ответ, но я не мог этого сделать из-за смещённой челюсти.

— Как хочешь. Наверно, именно ты сейчас должен со мной разговаривать, — сказал он, смотря на человека в чёрном. — Тебе что нужно? Наверно, не я должен это говорить, но ты ведь в курсе, что ты совершаешь преступление? Нападение и причинение вреда, попытка убийства. Ты это понимаешь? Ты знаешь, что можно, а что нельзя?

Наверняка, убийца мог бы как-то ответить в этой ситуации, но он ничего не сказал.

Он сделал шаг назад. Похоже, этот неизвестный нападающий видел в Дээродзаки настоящую угрозу.

— Хм. У этого куса побитости есть сильные ранения, которые нужно обработать, а я не хочу привлекать к себе внимание ещё одним убийством, так что беги, если хочешь, — сказал Дээродзаки, немного подумав.

Человек в чёрном сделал ещё шаг назад, осторожно пытаюсь оценить Дээродзаки. Похоже, он всё ещё пытается принять решение.

— В чём дело? Говорю же, я отпускаю тебя, так что поспеши и укатись отсюда. Живо.

Человек в чёрном не ответил.

Дээродзаки намеренно вздохнул.

— Если ты всё ещё хочешь это сделать, то я с радостью убью тебя. Тебя распилят на куски до

того, как ты что-либо почувствуешь. Я не настолько добрый парень, чтобы проявить милосердие к тому, кто может подставиться под нож. Зато ты хотя бы получишь счастливое число тринадцать. Я распотрошу тебя и положу части твоего тела всем напоказ.

Хорошее замечание.

Человек в чёрном повернулся и побежал в строону Имадэгавы.

— Давай, проваливай, — сказал Дзэродзаки, смеясь. Затем он обернулся ко мне. Его татуированное тело вошло в поле моего зрения, и через мгновение оно стало размытым. Похоже, анестетический эффект спрея стал сильнее — Что? Эй, не вздумай уснуть при мне. Хотя бы назови свой адрес.

Он схватил меня за плечи и потряс меня. Конечно, оба моих плеча были смещены, отчего стало очень больно, но мне уже было всё равно.

Несмотря на моё затухающее сознание и смещённую челюсть, я назвал ему свой адрес.

3

Моё следующее воспоминание началось в пятницу двадцать седьмого мая, где-то около девяти часов утра.

— Привет. С добрым утром, чувак.

Дзэродзаки был около моей подушки. Ошеломлённый, я смотрел на его лицо, не понимая, что происходит. Сам Дзэродзаки с виду был спокоен и искренне рад, что я проснулся.

— Чувак, это место просто потрясно. По тому адресу его было невозможно найти. А люди здесь так вообще поехавшие. Я сходил и одолжил повязки и прочее и той чики по соседству, а она даже не удивилась моему лицу. Никогда таких чик не встречал. Но я рад, что ты очнулся. Небось тебе не хватало сна? Полагаю, пережил ты многое.

— А-а-ах...

Я поставил правую руку в попытке опереться на неё. Через меня тут же прошла острая боль.

Я рефлекторно убрал руку и начал ложиться обратно, но каким-то чудом я смог опереться на левую руку.

— Неплохо, чувак. Она как бы сломана. Точнее, твой палец. Я вправил твои плечи и челюсть как смог, но со сломанной костью я ничего поделать не могу. Я оказал первую помощь, но мне кажется, что тебе потом захочется пойти в больницу.

Смотря на свою правую ладонь, я увидел, что мой большой палец был зафиксирован множеством повязок, проводом и шплинтом. Метод явно не общепринятый, но всё равно казалось, что он всё сделал правильно. Также я ощущал нечто странное на своём лице. Похоже, мою челюсть тоже зафиксировали: пластырем и марлевой повязкой. Дзэродзаки точно позаботился обо мне, пока я спал.

— Спасибо, — сказал я.

— Забудь, — ответил он, раздражённо махая рукой. — Но тот большой палец выглядит совсем плохо. С ним ведь жить будет непросто, — дразнил он меня. Наверно, для кого-то чужая боль — радость, и неважно, убийца ты или нет.

— Не переживай. Я амбидекстр.

— Правда?

— Изначально я был левшой, но я это исправил потом и стал правой. Но у меня был учитель, которого я терпеть не мог, и он постоянно говорил: «Палочки держат в правой руке,» — поэтому я снова перешёл на левую руку. Это было ещё в третьем классе.

— Да ты шутишь.

— Да, извини.

Я с трудом пытался быть в сознании. Я без проблем мог встать, но моя голова кружилась.

— Кстати, а где «веспа»?

— Что? Что ты сказал?

— Да ничего.

Наверно, она всё ещё стоит на мосту в Имадэгаве, брошенная. Мне нужно будет её как-нибудь забрать. Если её, конечно, не эвакуировали.

Важнее было то, что Дзэродзаки оттащил меня сюда на своих двоих. Его физическая сила заслуживала восхищения.

В это же время Дзэродзаки ни о чём особо не думал и был спокоен, как всегда.

— Но что за херня тогда произошла? Поверить не могу, что мы оба дрались, но ты всё равно позволил этой короле на балерине взять над тобой вверх, — сказал он. У него явно беды с логикой.

— Та штука с тобой была особенной. Да... Точнее, немного. — Я приподнялся, стараясь не двигать большим пальцем. — Вчера... стоп, это было вчера? Мне позвонили и сказали прийти в парк Камогава. Тогда понятно было, что это ловушка, но я всё равно повёлся. А теперь вот что со мной происходит.

— Ничего себе. Ты что, идиот?

Верно.

— Да, знаю, это было тупо — ответил я. — Но позволь кое-что у тебя спросить. Что ты до сих пор делаешь в Киото? Ты разве не ушёл?

— Что? А ты откуда узнал?

— Убийства прекратились.

— Ах, точно. Да, я ушёл на некоторое время. На меня напала какая-то стрёмная леди в красном. Она была как безумный маньяк на спидках, чувак. Я бил её своим мотоциклом, а она

вставала, будто ничего не было. А мотоцикл-то был высокоскоростным. В каком она, чёрт возьми, тонусе? Тем не менее, она явно собиралась изловить меня, но она мне была не ровня, поэтому я сбежал в Осаку. Конечно, она пришла за мной. Поэтому я вернулся в Киото, потому что, как говорят, самое тёмное место — прямо под свечкой. Неважно. В день, когда я вернулся, я слонялся по округе, и тогда я услышал вой, будто его издавала побитая собака. Будучи любителем собак, я не смог просто сидеть и слушать этот вой, так что я побежал в направлении голоса и нашёл тебя, которому надирает зад нечто в чёрном.

— Так вот что произошло. Я понял.

Он очень быстро выплюнул вторую часть истории, будто он устал объяснять. Но я в целом всё понял. Суть простая: мне очень, очень сильно повезло.

Либо это, либо человеку в чёрном не повезло.

— Но блин, это ещё что за дама в красном была? Мне показалось, что я столкнулся с Красной Смертью.

— Это Айкава-сан, — ответил я. Не так я проявлял благодарность, мне просто показалось несправедливым рассказать Айкаве-сан о нём, но не рассказать ему ничего о ней. Опять же, вряд ли я мог использовать слово «несправедливо».

— Айкава? — сказал Дзэродзаки. Его татуировка исказилась от двусмысленной ухмылки. — Ты только что сказал «Айкава»? То есть Айкава Дзюн?

— Так ты знаешь её? Тогда, видимо, мне не нужно ничего объяснять.

— Нет, я просто услышал о ней от «Главного», только и всего. Чёрт, ну почему из всех людей это оказалась Айкава Дзюн? — ныл он. — Теперь всё безнадежно.

— А она типа известная?

— Она печально известная. Ты хоть знаешь, как её зовут? «Буря и натиск», «Могучая воительница», «Смеющаяся красная тигрица», «Убийца горцев», «Пустынный орёл»... Мне говорили, чтобы я не связывался с ней.

— Ты забыл одно прозвище.

— Какое?

— «Величайшая частница человечества», — сказал я, на что Дзэродзаки не ответил. Его лицо стало гораздо серьезнее, чем когда-либо. Сталкиваясь с врагом вроде Айкавы Дзюн, даже он не мог быть беззаботным.

— Чёрт, чувак, это не к добру. Она слишком хороша... — пробурчал он и кивнул. — Ладно. — Он встал. — Мне нужно идти.

— Что? Уже?

— Да. Мне не стоит тут шлаться без дела. Похоже, мне нужно будет кое-что обдумать. Да и поделаться с этим я ничего не могу, а ты не в форме для длинного разговора. К тому же я теперь в розяске. Я не могу надолго задерживаться в одном месте.

— О. Ладно.

Всё это было правдой. Когда я описал Айкаве-сан Дзэродзаки, эта информация разошлась в полиции. Теперь не только она была ему врагом. Для Дзэродзаки целый день в одной комнате сродни пересечению запретной зоны.

— А что, если ты сдашься?

— Неплохая идея, но я пас, — сказал он с ухмылкой. — Просто сделай всё, чтобы разобраться со своими проблемами. Я видел бумаги. Ту Аой, о которой ты рассказывал, убили?

— Да.

— Похоже, у нас обоих есть какое-то говно, с которым нжно разобраться.

— Да. Эта проблема самая крупная из всех.

— Согласен. Но это же жизнь. Пути всегда найдутся. Ладно, я кончил.

— Наверно, мы больше не встретимся, — сказал я.

— Не сомневаюсь, — сказал он, смеясь. — Прощай.

После этого он вышел из комнаты. Оставшись один, я лёг обратно в футон. Либо он хорошо подлатал меня, либо мои увечья были не совсем ужасными, потому что я едва ли ощущал боль. Конечно, мне наверняка придётся сходить в больницу, чтобы осмотреть сломанную кость.

Но прямо сейчас мне нужно было поспать. Действовал ли ещё анестетик? Нет, вряд ли. Значит, это всего лишь простая усталость. Почему я так много сплю в последнее время?

— Ох, я понял. Я спал, но не спал.

Как итог, я достиг предела. Я закрыл глаза, решив отложить поход в больницу до момента, как я выплусь. Наверно, я слишком много наложил на себя. Я продолжал пытаться не думать о Томо-тян и Микоко-тян, но я постоянно думал о них. Тот сон явно доказывает это. Я всё ещё не сделал выводов касательно этого дела об убийствах.

Прямо сейчас мне нужно было просто поспать. Я решил перестать думать о том звонке и человеке в чёрном пока что.

— Привет.

Но прямо сейчас мне даже не позволят поспать. Я услышал стук в дверь и голос оттуда же. Я встал и доковылял до двери, чтобы ответить.

Дзэродзаки вернулся.

— Что? Ты что-то забыл?

— Да, типа того. Я хотел рассказать ещё кое-что. — Он снова вошёл в комнату и сел, скрестив ноги. Я вернулся к своему футону и сел на него.

— Так что же? Ты столько пафоса нагнал, когда уходил.

— Ну, я забыл об этом. Чего ещё ты от меня хочешь? Эй, првоерь свой телефон.

— Зачем?

— Тебе несколько раз звонили, пока ты спал.

— В такое-то время?

— Лишь этим утром. Он всё звонил и звонил. Так бесит. Ты не из-за этого проснулся?

Я открыл историю звонков, пока Дзэродзаки болтал. Звонки исходили от знакомого номера. Я знал, что я его уже видел.

— А-а-а, точно. Это была Сасаки-сан, — понял я. Этот номер принадлежал детективу, которая сейчас занята войной на истощение, Сасе Саски-сан. Она позвонила мне семь раз в промежутке между восемью и десятью часами утра. — Интересно, что ей нужно.

— Я не стал отвечать, поэтому у меня не спрашивай. Я ведь не должен принимать твои звонки? Если тебе интересно, то перезвони ей.

— И перезвоню.

Я набрал её номер.

— Напомню, кто такая Сасаки? Это имя кажется мне знакомым.

— Наверно, я упоминал её в караоке. Она тот детектив.

— Да, точно, — сказал он со спутанным выражением лица. Слово «дететкив» наверняка ничего хорошего в последние не сулило Дзэродзаки. Конечно, на меня оно тоже произвело не самое лучшее впечатление.

Звонок вроде прошёл, и последовали гудки. Я подождал несколько секунд.

— Да, это Саса, — услышал я голос Сасаки-сан.

— Здравствуйте, это я.

— Чем ты занимался?

— Ничем. Просто спал.

— Ясно... Да, всё нормально. — Её голос звучал как-то сдержанно и холодно. Она будто заставляла себя быть спокойной и сдержанной. Что означало, что прямо сейчас ей было совершенно не спокойно.

— Сасаки-сан, что-то произошло? Или вы хотели у меня кое о чём ещё спросить?

— Кое-что произошло, — ответила она. — Усами Акихару-куна убили.

Внезапно.

Всё.

Сошлось.

— Усами-куна?

— Да.

— Вы уверены?

— Разве я похожа на человека, способного так лгать? Сегодня утром его тело нашли в университете. Его задушили, как и Эмото-сан и Аой-сан. Я сейчас на месте преступления.

Стоп. Раз уж она была там, то она так говорила, чтобы никого вокруг себя не беспокоить. Её наверняка окружают офицеры полиции, медэксперты и глазающие прохожие.

Акихару-кун.

Он ведь говорил, что он будет следующим? Станным образом его слова стали явью.

— Неужели...

Но это явно не могло быть всего лишь странным совпадением. Если Акихару-кун раскрыл правду, то тогда было очевидно, почему он смог предугадать собственную смерть. Но даже знаю это, он всё равно позволить себя убить.

— Мне бы хотелось задать тебе вопросы, если вы придёте...

— Перед этим, — перебил я её, — я хочу спросить тебя о теле Акихару-куна. Не возражаешь?

— Спрашивай. — Если она и почувствовала по оему голосу, что со мной что-то не так, то она не подала виду. — Я постараюсь ответить.

— У меня лишь один вопрос. На месте преступления есть надпись «х больше у»?

— Да, — после небольшого молчания заверила она меня. — Но в этот раз с ней что-то не так. Точно сказать не можем, но улики указывают на то, что надпись оставил убитый. Да. Но зачем ты это спрашиваешь? Ты что-то уловил? Ты узнал, что эта надпись означает?

Нет, дело было не в этом.

Значение этой формулы я уже давно как вычислил. Точнее, сейчас у неё не было смысла. Не это сейчас важно.

— Нет, дело не в этом. Так, мне нужно потом прийти в полицейский участок?

— Я была бы рада. Когда тебе будет удобно?

— Во второй половине дня... нет, вечером.

— Хорошо, тогда я—

Я повесил трубку, не дожидаясь, когда она договорит. Иначе я мог бы наговорить того, о чём пожалел бы. Сейчас я не был рассудительным. Я бросил свой телефон на пол с силой, немыслимой для кого-то вроде меня.

— Эй, а сейчас-то ты что делаешь? — удивлённо спросил Дзэродзаки. — Ты спятил? Не бросай телефон. Ты только посмотри на него.

— Вот это называют проветриванием, — слабо сказал я. — А это поадвление собственного гнева

путём выплёскивания его на неодушевлённые предметы.

— Да, я это знаю. — Он поднял телефон, проверил, не сломался ли он, и положил его подальше от меня. — Так что произошло?

— Акихару-куна только что убили.

— О, это, ничего себе... — с любопытством, похожим на впечатлённость, сказал он. — Это уже третий человек? Невероятно, кто бы это ни сделал. И когда?

— Не знаю, но его тело только что нашли. Значит, это убийство произошло между второй половиной среды и этим утром.

— Хм. Настоящий шедевр. Три удушения за десять дней. Безумие какое. Ох, наверно, не мне такое говорить. А что насчёт убийцы? Кто это сделал? — спросил он, будто это был самый обычный вопрос.

Я вспыхнул. Убийца? Тот, кто убил Эмото Томоэ и Аой Микоко, затем напал на меня в парке Камогава, а сейчас убил Усами Акихару.

— О ком ещё может идти речь?

— Это должно быть очевидно. — Я объявил имя с такой суровостью, что даже мне стало не по себе: — Очевидно, что это была Атэмия Муими.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/3995002>